

Серия: Антитеррор.
Герои мирного времени

ИСТОРИЯ ПОДВИГА ОТКРЫТЫЙ ДНЕВНИК 3

Серия: Антитеррор.
Герои мирного времени

**«Дерзайте отчизну
мужеством прославить»**

Михаил Ломоносов

ИСТОРИЯ ПОДВИГА ОТКРЫТЫЙ ДНЕВНИК 3

Документально-художественный сборник
для школьников среднего и старшего возраста

**«Герой – это тот,
кто творит жизнь вопреки смерти,
кто побеждает смерть».**

Максим Горький

**«Герой – человек,
который в решительный момент
делает то, что нужно делать в интересах
человеческого общества».**

Юлиус Фучик

Автор-составитель — А.Г. Леднев
Дизайн, макет, верстка — Андрей Щабленко
Художник — Дарья Грибова

На первой стр. обложки – памятник бойцам 6-й парашютно-десантной роты
104 парашютно-десантного полка ВДВ, установленный на въезде во Псков.
Рисунки сделаны по мотивам фотографий, находящихся в свободном доступе
в сети Интернет.

Серия: Антитеррор. Герои мирного времени

**ИСТОРИЯ ПОДВИГА
ОТКРЫТЫЙ ДНЕВНИК 3**

От автора-составителя

Дорогие ребята, как и в первых двух книгах «История Подвига. Открытый дневник», в нынешней собраны рассказы о людях, которые живут или жили рядом с вами — в соседней квартире, на вашей улице, в вашей деревне, поселке или городе. Вот мы и решили написанное для стартового сборника предисловие оставить и для других изданий этой серии. Почему? Во-первых, кому-то предыдущие выпуски «Дневника» могут просто не попасться на глаза, и он начнет знакомство с одного из последующих, например, с этого — третьего по счету. Во-вторых, (хотя, может быть, как раз во-первых) трудно переписать по новой слова, в свое время продиктованные голосом сердца.

А. Г. Леднев

Да, они из взрослых, хотя кому-то из них сегодня по-прежнему лет ненамного больше, чем вам. Ведь судьба распорядилась так, что кто-то из них навечно остался молодым.

Жизнь скоротечна, чего в прекрасные школьные годы не осознаешь. Через это непонимание в свое время проходит каждый, потому что она, твоя жизнь, вся еще впереди — прекрасная и долгая. И как-то не задумываешься, что ведь кто-то должен помочь сохранить ее навсегда именно такой: доброй и без боли утраты. Вот они ее охраняют и сохраняют — те люди, кто рядом с нами, незаметные в наших повседневных заботах, но чьи поступки мы даже в мирное время называем подвигом. А ценой подвигу порой становится их жизнь, отданная взамен наших, сохраненных ими жизнью.

Вы когда-нибудь задавали себе вопрос, что конкретно есть подвиг?

В толковом словаре Ушакова подвиг (с ударением на первом слоге) значит как «Доблестный героический поступок. Важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях». Но, согласитесь, что свершившие это «дей-

ствие» меньше всего думали о том, что совершают нечто. Создалась ситуация, в которой они не струсили, не спрятались за спины других, а выполнили свой человеческий и гражданский долг. Потому что в основе любого подвига лежат воспитание и ответственность; человеколюбие и верность присяге; личное мужество и патриотизм; и то самое «действие-чувство», о котором писали многие из героев в своих воспоминаниях, заключенное в одну короткую, простую и предельно понятную фразу: если не я, то кто?

В этой книге мы расскажем о военном подвиге в мирное время.

Испытывая одновременно непроходящую боль утраты и чувство гордости за наших современников, о которых язык не поворачивается сказать, что они были. Нет, они вечны, как и память о них. И никогда не сотрутся слова, написанные на стене разрушенной школы в Беслане не чьей-то рукой, а чьим-то благодарным сердцем: « АЛЬФА, ВЫМПЕЛ, спасибо за то, что вы спасали наших детей!»

Другой борьбы против терроризма, кроме как борьба не на жизнь, а на смерть, не бывает. Именно он, терроризм, самая страшная болезнь нашего времени. Болезнь, которую не победить никаким лекарством, только человеческим фактором. Ведь если вдуматься, то люди всей планеты Земля — заложники этой са-мой битвы. Вот почему так необходимо всем нам объединиться против зла, у которого нет лица и нет национальности. Как нет и будущего. Потому что оно разрушает, а не созидает, стремясь посеять в нас страх и ввергнуть страны в хаос. У этого зла нет религии, как нет и не может быть духовной опоры, потому что ни в одном священном писании не найдете призыва — пойдти и убей ближнего своего. Наоборот: жизнь каждого человека — богатого и бедного, ребенка и взрослого — священна.

В Национальном антитеррористическом комитете России собрано немало материалов, посвященных подвигу в мирное время. Среди свершивших его — не только люди военных профессий, но и мирные жители, принявшие неравный бой и по-

бедившие смерть. Многие представлены к званию «Герой России», орденам и медалям. Их именами названы улицы, школы, корабли. Но главное, что есть и навсегда останется в людских сердцах, — это Память о них и наша величайшая Благодарность за то, что они сделали.

С ЧЕГО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

И вновь здравствуйте. Это опять я, Вениамин Соколов, москвич, учащийся восьмого класса и заодно специальный корреспондент общегородской газеты «Ученик». Я по-прежнему в Питере, в гостях у Илоны и Виталика Капустиных — прежде всего, конечно, у Илонки; в разгаре весенние школьные каникулы; почти вся наша анапская компания (представленная еще в двух первых частях «Дневника» и сдружившаяся в летнем детско-юношеском лагере в Крыму) тоже здесь, и мы продолжаем претворять в жизнь идею, предложенную нашими неугомонными питерцами.

Что за идея? Для тех, кто не читал вторую книжку «Дневника», повторю. И заодно еще разок представлю всех наших — кто есть кто. Да, вот еще о чем подумал: чего открывать Америку через форточку (популярное в прошлом веке выражение о бесполезности какого-нибудь деяния, я его от своей бабушки слышал) и выдумывать какие-то новые слова, когда предлагаю просто вспомнить страничку «представления» из предыдущего «Дневника». Тем более, если говорить о времени и месте последнего действия, то даже часа еще не прошло с того момента, как мы расстались с тобой, уважаемый читатель, поставив точку во второй части повествования. Как сидели в гостиной дома Капустиных за круглым дубовым столом и обсуждали планы на ближайшее будущее, так и пребываем в этом творческом процессе. Поэтому в качестве совсем свежих воспоминаний позволю себе чуточку «самоплагиата», исключительно ради читательского понимания ситуации в целом.

...Стол в гостиной Капустиных — огромный, дубовый и круглый — имел имя собственное: «Чтобы никому не было обидно». Сокращенно — «Чнинбо». Сейчас за этим самым неподъемным «Чнинбо», который непонятно каким образом избежал превращения в дрова во время блокады Ленинграда и за которым сживала еще прадедова семья Илонки и Виталика, собрались известные вам по первой книге персонажи:

Женька Яковлев из Ульяновска, юный компьютерный гений; во всем конкретный Мишка Волков — изобретатель и рационализатор; Вася Рыжий — артист цирка, лауреат международной премии «Серебряный клоун» в Монте-Карло (в десятый раз повторяю: фамилия у него такая, а не цвет волос); Розалинда Валеева, которая уже знает шесть языков, экстерном и с золотой медалью закончила школу, досрочно была принята в Казанский университет на филологический факультет и сейчас в свои неполные шестнадцать учится на втором курсе. Чтобы в наши школьные каникулы в Питер вырваться, она даже на месяц раньше сдала сессию. Стасик Горбатко — композитор из Екатеринбурга. Пишет песни, которые исполняют взрослые звезды эстрады. Рома Сеницын, москвич, тоже артист. Точнее — музыкант, скрипач, как все говорят, будущая мировая знаменитость. Виталик и Илона Капустины (как и их отец, офицер запаса Александр Иванович Капустин) — наши радушные хозяева. Как уже сказал, познакомились мы в оздоровительном лагере в Анапе прошедшим летом, когда умные дяди из Минобрнауки решили организовать в один отряд юные дарования со всей России. Ну и я туда как бы случайно попал. Чуть позже подъехали с отцом Илона и Виталик. Но не как гениальные или, по меньшей мере, все из себя талантливые, а чтобы нам, зашоренным внутри своих проблем, рассказать о Подвиге. Мы по-настоящему сдружились, да и тема прихватила за живое, поэтому, разъехавшись по домам, чуть ли не каждый день общались по скайпу. И когда Илона с Виталиком сообщили, что хотят всех собрать на каникулы в Питере и что отец эту их идею полностью поддержал и даже взял на себя ответственную миссию поговорить с нашими родителями, не раздумывали ни секунды.

— ...Конкретизирую, — по-военному четко отрапортовал Виталий, раскрывая лежащий перед ним ежедневник. — Только не перебивайте, пока до конца не расскажу. Итак, начинаем создавать максимально полную электронную базу по теме «Подвиг в мирное время», понятно, с фактами для открытой

печати. Работаем в этом плане со всеми: и нашими ровесниками, и взрослыми, просим прислать имеющуюся информацию, для того, чтобы она стала достоянием всех и каждого. Но главное, камрады, создаем и налаживаем именно наш клубный поиск и обработку материалов, которые сегодня или малоизвестны, или неизвестны совсем. Своего рода исследовательская работа нашего небольшого отряда, который, я уверен, со временем станет намного шире и сильнее. Папа сказал, что поможет в организации встреч со своими коллегами, которые много чего знают, сами прошли через эту тему...

После Виталькиного вступления и нашего осмысления вопроса в целом компьютерный гений Яковлев сбросил идею на простор «паутины» и уже в конце дня, когда мы обсуждали рабочие перспективы на завтра, огласил помещение радостным воплем:

— Ровно сто!

— Что сто? — в один голос спросили я и Илона.

— Сто сообщений на наше предложение сотрудничать, которое Яковлев днем запустил по сети, — вслух догадался Виталик.

— Из Архангельска, Казани, Владикавказа, Перми, Кирова, Сызрани, Вологды и уймы других городов и даже сел, о которых я никогда и не слышал, — с гордостью сообщил Як. — Ну, ребята, и кашу мы заварили!

— Правильную кашу, потому и писем столько, — подытожил рассудительный Волков. — Виталя, у меня предложение прежнее: Женька информацию собирает и систематизирует, завтра утром доложит, а мы пока планом на текущий день займемся. Чего просто так время терять?

И мы занялись планом.

А очень скоро наступил следующий день столь необычных для нас весенних школьных каникул в славном граде Петра.

ПРИЯТНЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ

Утром за завтраком Як еще раз заставил всех удивиться, с какой скоростью и отдачей помчалась по сети наша инициатива.

— Девчонка из Архангельска, зовут Дарья Синеглазова, желает срочно по скайпу пообщаться, — сообщил он с набитым ртом, при этом не отрывая взгляда от экрана своего навороченного и усовершенствованного лично им ноутбука.

— Интересно, фамилия в наследство досталась или на самом деле синеглазка, — мечтательно протянул Рыжий. — Я слышал, что таких на севере, как незабудок в лесу.

— И вдобавок — на земляничной поляне, — насмешливо протянул Стас Горбатко и тут же, сменив шуточный тон на деловой, увесисто констатировал: рассматриваем любые предложения, голосовать без надобности, принимается единогласно.

Синеглазова оказалась на самом деле синеглазой и вдобавок огненно-рыжей. Узрев и прочувствовав данную картину, наш Рыжий впал в ступор. Ну, и славненько, пусть сидит и молча слушает.

— Привет, — услышали мы звонкий голос с российского северо-запада. — Я — Дарья Синеглазова, девятый класс математической школы.

— Виталий Капустин, — представился Виталик, заняв место переговорщика.

— Это вы о подвиге инфу разослали? — поинтересовалась рыжая.

— Нет, — хохотнул за нашими спинами Мишка Волков. — Дедушка Ленин и дедушка Маркс. Слыхала о таких?

— Даже кое-что читала, — отрезала Дарья и, обращаясь непосредственно к Витальке, продолжила: — Ты в вашей компании за главного?

— Ну и наглая, — восторженно прошептал Вася Рыжий. — Почти как я в детстве.

— Послушай, — вмешался в междугороднее общение Женька Яковлев. — Если есть что сказать, говори, если нет — не занимай линию.

— Так с кем мне по делу общаться? Не со всеми же одновременно! — голос рыжей поднялся на октаву.

— Давай со мной, — спокойно произнес Виталик. — Только не кричи, колонки нормальные, все слышно.

Последнее замечание она пропустила как несущественное.

— У вас о шестой роте материал есть или нет?

Кто такая шестая рота и какой подвиг на ее гвардейском счету, мы знали. Илона как раз систематизировала данные об этом ярчайшем и одновременно трагическом эпизоде антитеррористической операции на Кавказе, поэтому кое в чем нас просветила.

— Илона, вопрос у Дарьи, скорее всего, по твоей части, — Виталик передвинул ноутбук сестре.

Девчонки несколько секунд всматривались друг в друга, затем одновременно произнесли «привет» и тут же, не сговариваясь, рассмеялись синхронности скайпового общения.

— Предыстория вопроса такова, — начала Дарья. — В параллельном классе мой друг учится, Андреем зовут, его сводный брат в 76-й воздушно-десантной дивизии служил, в той самой, откуда и легендарная шестая рота. Несколько ребят, которые геройски погибли на высоте 776,0, лично знал. Мы с Андреем целый год, где только можно, информацию о том бое собирали, летом даже в Псков ездили с его братом, а оттуда в Черёху, где стоит 104-й парашютно-десантный полк, и там памятник в виде купола, на котором выбиты имена погибших 84 солдат и офицеров. Я тут кое-что написала, может, пригодится, хотя там и посторонних мыслей много, но, когда будешь читать, ты их пропускай, это несущественно... Вроде как и всё.

— Спасибо, Даша, — сказала Илона.

— Ты мне отпиши, когда прочитаешь, — попросила рыжая. — Нам с Андрюхой это важно. — И, больше не говоря ни слова, отключила скайп.

— Ну почему я не тот Андрюха? — с грустью произнес Рыжий.

— Тогда б тебя с нами не было, — рассудил Мишка. — А это не есть хорошо, и если жизнь так распорядилась, значит надо именно так, а не иначе. Дошло, в чем суть человеческого бытия? В необходимости нахождения в том самом месте и в тот самый час. Вот так-то, неуч ты воздыхательный...

6-я РОТА

Илонка показала мне Дашин текст. Приведу его здесь практически полностью. «Посторонние мысли», как их назвала рыжая, на мой взгляд, совсем даже не посторонние, а полностью в тему. Конечно, существуют фундаментальные и точные исследования того неравного боя, восстановленного буквально по минутам. Но ведь каждый имеет право на свой рассказ. Не так ли?

Рассказ Дарьи Синеглазовой:

«Я долго не понимала, зачем мне все это надо — копаться в старых газетах и в интернете, вытягивать какие-то слова из Андрюхиного брата, которому сейчас тридцать два, и явно чувствуется, что он не хочет вспоминать, потому что это его глубоко личное, и нечего разным малолеткам туда лезть из-за какого-то непонятого любопытства. Но это не просто любопытство. Сначала — да, лениво помогала Андрею, когда он загорелся собрать инфу о последнем бое шестой роты в горах под Улус-Кертом. Но чем больше узнавала, тем больше хотелось знать еще. Никогда не ставила перед собой задачи детально воссоздать картину. И не смогла бы, да не мое это дело, а тех, кто в нем разбирается. Отталкивалась исключительно от собственных эмоций. Ведь те ребята были в марте двухтысячного всего-то на два-три года старше, чем мы сейчас, но они увидели смерть, посмотрели ей в глаза и не испу-

гались. Еще друг друга прикрывали и спасали. Пускай в тот момент не думали о нас, живущих за тысячи, сотни километров и им незнакомых, но ведь получается, что отдали свои жизни за нас тоже. Я это теперь сердцем прочувствовала, потому что раньше, как и большинство в моем возрасте, на слова реагировала без настоящего их понимания. И только сейчас пришел запоздалый страх — наверное, так это ощущение можно передать. До мозга конкретно дошло, что обязана жизнью нашим предкам, кто в 1812-м не дал французам захватить Россию; и тем, кто семьдесят лет назад победил фашистскую Германию; и тем, кто сейчас защищает нас от разных бандитов и террористов; и вот этим ребятам тоже, кто в мирное для нас время погиб на высоте 776, исполнив свой долг. Вот почему понятие «долг» в общечеловеческом, а не сугубо личном значении, для меня теперь не просто высокий стиль речи, а что-то осязаемое, что по-настоящему чувствую. И слова «за того парня» перестали быть просто словами. Мне кажется, я стала другой. Даже не знаю, какое определение под это свое новое мироощущение подобрать. Может быть, человечнее и ответственнее. Не за себя, нет — за всех нас. Пока еще до конца не поняла. Но каждым своим нервом ощущаю, что это — правильное изменение.

... 28 февраля 2000 года 6-я рота 104-го парашютно-десантного полка, усиленная взводом 4-й роты, начала выполнение задачи — занять несколько высот в Аргунском ущелье, чтобы перерезать дорогу между речками Шароаргун и Абазулгом отступающим бандформированиям. Приказ получил командир роты майор Сергей Георгиевич Молодов, но непосредственно операцией руководил командир батальона подполковник Марк Николаевич Евтюхин. Я читала, что Молодов тогда только-только принял роту, и поэтому комбат решил его как бы подстраховать. Наверное, так и было на самом деле. Но мне почему-то кажется, что комбат предчувствовал серьезность грядущего испытания. Хотя ничего особо выходящего за привычные рамки очередного рейда ситуация, казалось, не

предвещала. Как военные говорят, им предстояла «штатная работа». Но с недавних пор на примере своих отца и матери — в нашей семье произошел неприятный момент с моим братом Севой — я верю в предчувствие. Особенно взрослых, и когда дело касается их детей. И еще мне кажется, что для Евтюхина солдаты, помимо всего прочего, оставались детьми. В чем-то взрослыми коллегами по воинскому ремеслу и одновременно детьми. Он их в том бою сынками называл, всегда старался подбодрить. Комбат до последнего момента пытался сохранить каждого из них. Но в то же время вел себя с ними как равный с равными. Когда их осталась на той высоте всего горстка, все израненные, как рассказывали выжившие, Евтюхин спросил: «Ну, что, огонь на себя?». И они как один приняли это решение. Командир артдивизиона, который за пять километров от высоты 776 обеспечивал огневую поддержку бою, услышал по радиации голос Марка Николаевича: «Давай на пятнадцать метров ближе». И командир понял, что комбат вызывает огонь на себя...

15-километровый марш-бросок. Начался подъем в горы. По бокам с тропы — сугробы, за плечами бойцов — тяжелый груз: кроме оружия, боекомплекта, питания и воды — спальные мешки, походные печки, палатки, лопаты, и много другого необходимого, чтобы хоть как-то обустроиться на высотах, шли ведь не на один день.

В это время года в чеченских горах темнеет рано и почти мгновенно. К тому же упал густой весенний туман, и видимость стала катастрофической. В четыре часа дня комбат скомуандовал привал. Утром 29-го их маршрут продолжился. Извилистая

то вверх, то вниз, тропа, на которой больше чем на километр растянулась колонна в девяносто десантников; буковый лес, сменяющийся цепким кустарником; грязь под ногами и мокрый снег. Тогда еще никто не знал, что им навстречу шестью колоннами движутся две тысячи боевиков под предводительством Черного Хаттаба и Басаева, и в их арсенале минометы и даже полусотня конницы.

Метрах в ста впереди основной группы скрытно передвигалась наша разведка. Приблизительно в полпервого дня она обнаружила засаду боевиков. Так начался самый первый бой, который совсем не походил на то, что случилось позже.

К боевикам подошли отряды подкрепления. Евтюхин приказал роте отойти на высоту 776 и там закрепиться, разведка прикрывала этот отход. Окопаться не получилось. Земля мерзлая, снега местами по пояс, а много ли выроешь лопатой да выдолбишь киркой. И огонь боевиков, который не прекращается ни на минуту. Наши использовали любое природное укрытие. Появились первые раненые и убитые. Наверное, тогда комбат понял, что повстречали они не просто группу террористов, пробирающуюся на равнину, а вышел на роту большой отряд бандитов. Хотя что тех будет порядка двух тысяч, — этого не знал никто. Но ни нервозности, ничего другого в его действиях не было. Евтюхин привычно работал, и ему под стать работали офицеры и солдаты...

Видит Бог, мне никогда не понять их слова «работа», которое у них в привычном обиходе, когда в любой момент любой из них может получить пулю или осколок гранаты и упасть смертельно раненным. И я никогда не поверю, что те молодые ребята, почти наши ровесники, бились с фатализмом манекенов. Уверена, что они, как и все, хотели жить, хотели выжить и прикладывали для этого максимум усилий и умения. Наверное, в какие-то мгновения они даже боялись. Но я знаю, и знаю совершенно точно, что их страх не превратился в животный, и они властвовали над ним в любую минуту их смертельно опасной жизни на высоте 776.

Где-то к трем часам дня к высоте подошли основные силы боевиков и в ультимативной форме дали десантникам шесть минут, чтобы сложить оружие и открыть проход. Обещали, что не тронут и отпустят всех. Если этого не произойдет, то в живых никого не оставят. Затем еще не раз и по радио, и криком их призывали «разойтись миром», взывали к разуму и тут же осыпали бранью и угрозами. О том, что террористы слышали в ответ — а первые линии обороны и атаки местами располагались друг от друга на расстоянии броска гранаты, — наверное, хорошо представляют их товарищи по полку.

Так начался последний бой шестой роты.

И ни один из наших бойцов его не покинул, хотя окружили их ведь не сразу, и был шанс. Бандиты сначала хотели обойти эту высоту, пошли соседними тропами, но через несколько километров были остановлены другими нашими заслонами. Путь мимо 776-й оставался для них, вырывающихся из Аргунского котла, единственным, чтобы затем выйти в районе Ведено на равнину, рассеяться небольшими группами и уйти в Дагестан.

К 6-й роте пытались пробиться на помощь. Наши своих в беде не бросают. Но все проходы были уже перерезаны боевиками. Быструю горную речку можно было перейти, лишь держась за канат. Бандиты, заняв удобные позиции, поставили на скальной тропе пулемет, автоматным огнем, гранатометами, и, главное, численным перевесом не позволили этого сделать.

Прорваться, да и то на рассвете, сумел лишь взвод 4-й роты под командованием майора Александра Доставалова. Он был замом Евтюхина. С ним пришли еще пятнадцать человек. Напомню, что боевиков набралось две тысячи, псковских десантников было в разы меньше.

Тут хочу сказать об офицерах-десантниках, шагнувших в бессмертие после того боя. Обо всех на примере некоторых. Настоящих русских офицерах не по национальности, а по духу, воспитанию и пониманию своего офицерского предназначения, которое всегда обязывает. Об этом знаю не понаслышке, у самой отец — офицер.

Когда рота отходила на высоту 776, то вместе с разведчиками лейтенанта Алексея Воробьева и еще несколькими бойцами ротный остался прикрывать маневр. Когда серьезно ранили одного из десантников, то Сергей Георгиевич Молодов на себе вынес его в расположение роты, но сам был смертельно ранен пулей снайпера. Старшему лейтенанту Дмитрию Петрову перебило правую руку. Так он примотал пулемет к левой руке и так стрелял, пока оставался жив. Ближе к полуночи Хаттаб бросил в атаку свой отборный отряд «Джимар», более четырехсот бандитов. Комбат Евтюхин закрыл направление удара разведдозором лейтенанта Дмитрия Кожемякина. Несколько часов длилась эта атака, но разведчиков боевики пройти не смогли.

Пишу эти строки, пишу о том, что уже знаю, но в горле ком и в глазах слезы. Мне кажется, что даже вижу Алексея Воробьева, которому осколками мин перебило ноги, который умирает с пулями в груди и животе, но все равно продолжает вести — нет не свой, а их общий — последний бой. Или другая картинка: их осталось всего пятеро на той высоте. Три офицера — Евтюхин, Доставалов и лейтенант Дмитрий Кожемякин, и два солдата. Кожемякину, как и Воробьеву, мины перебили ноги, но он все равно продолжает бой. Бандиты сжимают кольцо. Вот уже принято решение вызывать огонь на себя. И за несколько минут до бессмертия молодой офицер Кожемякин делает то, что и должен сделать офицер: он приказывает солдатам прыгнуть в овраг и попытаться уйти по нему, тем самым спасая им жизнь.

Четыреста арабских наемников и чеченских террористов нашли свой конец на высоте 776 благодаря шестой роте. А сколько бед могли натворить, сколько мирных жизней забрать, если бы эти парни не преградили им путь.

Мы когда с Андреем только-только начали искать и вчитываться в написанное о подвиге 6-й роты, то на одном из интернет-сайтов увидели реставрацию тех событий от девушки, как догадываюсь, где-то нашего возраста, может, чуть постарше,

она рассказывала об экспозиции их музея, посвященного подвигу десантников. Я тогда перелила на свой комп небольшой отрывок. Надеюсь, она не обидится, если приведу здесь ее слова.

«...В 5:10 1-го марта боевики перешли в атаку на высоту со всех направлений. Их численность составила более 1000 человек. К этому времени скончался от ран корректировщик огня гвардии капитан Романов Виктор Викторович, поэтому корректировал огонь артиллерии сам командир Евтюхин, помогал ему гвардии лейтенант Рязанцев Александр, но и он вскоре погиб.

В 5:30 основные усилия боевиков были сосредоточены на северном направлении. Видя, что ряды обороняющихся заметно поредели, бандиты устремились к вершине высоты. Однако гвардии старший лейтенант Колгатин Александр сумел установить на этом направлении две мины. Несмотря на ранение в грудь, он привел мины в действие, как только боевики пошли в атаку. Но это лишь на короткое время остановило бандитов. Еще почти 40 минут на этом направлении сдерживал атаки боевиков гвардии старший лейтенант Панов Андрей с десятью солдатами.

В 6:50 бандиты лавиной двинулись на высоту. Без стрельбы, с криками "Аллах Акбар!", бандиты пошли на прорыв. Бой перерос в рукопашную схватку. Но силы были слишком неравны. Нескольким сотням бандитов противостояли 26 раненых бойцов. И вот уже оставшаяся в живых немногочисленная группа десантников во главе с командиром батальона сосредоточилась у вершины. Здесь был принят последний бой. В эфир ворвались слова командира Евтюхина: "Вызываю огонь на себя!".

Теперь имена 84-х гвардейцев-десантников известны не только Пскову. О них знает вся Россия. Офицеры, сержанты и солдаты — все как один вступили в схватку с озверевшими бандитами Хаттаба и не отступили ни на шаг, до последнего дыхания удерживая занимаемую позицию.

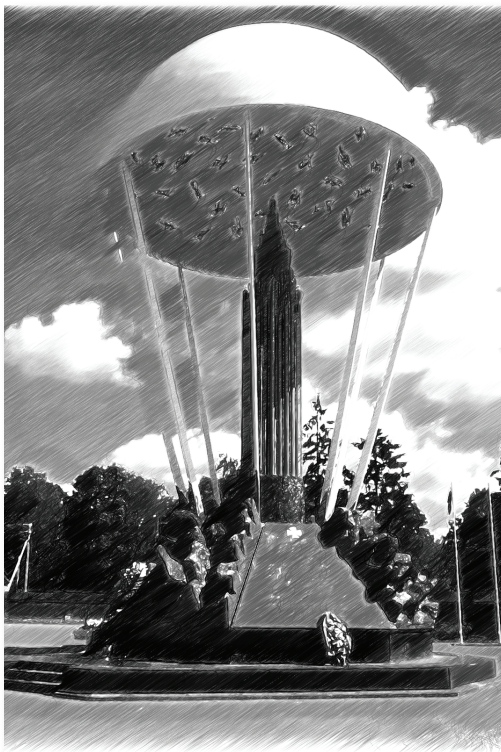
Генералиссимус Суворов говорил: "Русского солдата мало убить, его ещё и повалить надо". Псковских десантников повалить так и не смогли.

6-я рота — это рота героев. 22 воина посмертно удостоены высшей награды Родины — Герой Российской Федерации. Остальные награждены орденом Мужества. С 2002 года Псковскую землю украшает огромный купол — памятник героям работы заслуженного архитектора России Анатолия Царика.

На внутренней части купола — 84 подписи. Школе № 5 города Пскова присвоено имя комбата, гвардии подполковника Марка Евтюхина; одна из улиц города переименована в честь героической 6-й роты...».

Такой вот отрывок. Всего лишь несколько штрихов...

Я пыталась, но все равно не могу себе полностью представить картину, когда на склонах высоты, как говорят военные, площадью «двести на двести», не оставалось живого места после разрывов снарядов, мин и гранат; буковые деревья были разбиты и искорежены; снег перемешан с кровью и устлан ветками деревьев, срезанных пулями и осколками. Вот что превратилась высота 776, на которой 6-я рота не просто задержала армаду боевиков, а победила и выстояла, и стала острием меча, которым в итоге была рассечена эта группировка бандитов.

Подвиг никогда не бывает ненужным или малозначимым. А подвиг 6-й роты ко всему прочему стал как бы посланием ко всем нам. Каждый поймет его, как сможет, согласно своему внутреннему миру, своему представлению о человеческих ценностях. Иногда думаю о ребятах из нашего класса: смогли бы они так, как почти их одноклассники из шестой роты, не дрогнуть, не побежать, выстоять? Мне кажется, что смогли бы. Сейчас модно считать, даже некоторые учителя этим грешат, что наше поколение меркантильное, бездушное и безответственное. Хочу сказать, что это не так. Знаю, что из наших мальчишек никто бы не предал, окажись тогда на высоте 776. Во всяком случае, мне очень хочется в это верить...

И еще хочу сказать от всего сердца: за все эти мысли, за то, что ты учишь, требуешь и объясняешь даже сейчас, низкий тебе поклон, героическая, бессмертная и вечно юная 6-я рота.

МЕДСЕСТРА ЯНИНА

Никто не ожидал, что начатое нами всколыхнет так много российского школьного народа. Не скажу, что в электронной почте письма выстраивались в длинную очередь, но только за очередной день в адрес нашей дружной команды пришло не меньше тридцати подробных рассказов о героях контртеррористических операций. И Виталик Капустин объявил на тот момент совершенно правильный аврал: отложив все другие дела на потом, занялись разбором и систематизацией почты. Повезло, что прикатили в Питер со своими ноутбуками и планшетами. Сразу договорились: подходим к каждому сообщению не механически, а творчески. Если что непонятно или требует дополнения по фактам, сразу связываемся с авторами и попутно составляем авторский актив-алфавит. А это означало, что численный состав Клуба «История Подвига. Открытый дневник» сразу заметно увеличился.

Я как раз заканчивал видеообщение с Петрозаводском, когда подошла Илонка, села напротив и вопросительно глянула — мол, когда освобожусь? Показал ей на пальцах пять минут, но уложился в течение одной: на том конце связи оказался смысленный паренек Валя Коротов с кучей адресов и предложений. За последние полчаса мы с ним наметили план, думаю, так годика на полтора-два, при этом, как мне показалось, с довольно условным посещением Коротовым школьных занятий. Но Валя сказал, что нескольких месяцев на реализацию задуманного ему и его друзьям хватит за глаза, что будет на постоянной связи, что ждет нас в гости и что школу собираются через пару лет закончить вообще-то с золотой медалью. Ртутный такой парень, на позитив заряженный.

— Ты что-нибудь знаешь о женщинах-военных, ставших Героями России во время контртеррористической операции на Кавказе? — спросила Илона.

Я отрицательно мотнул головой.

— Вот и я до сегодняшнего дня только кое-что краем уха слышала. А когда это прочитала, — она пододвинула мне несколько листов, — для тебя распечатала, потом посмотришь, — то поняла, что ничегошеньки мы по большому счету не знаем.

— Значит, приложим массу старания, чтобы узнать как можно больше, — бодро-радостным тоном сообщил я, при этом ощущая, что моего желания вывести Илонку из тихой задумчивости и эмоционально встряхнуть сейчас явно не хватало.

Она, ничего не сказав в ответ, погладила меня по голове и пошла трудиться дальше. Я на секунду-другую прикрыл ее теплую, ласковую ладонь своей, задержал, даже прикрыл глаза от удовольствия, так бы и сидел, но... Вася Рыжий, как всегда, находящийся вблизи чего-то необычного, наблюдал всю картину от начала до конца и теперь пребывал с открытым ртом, готовясь что-то произнести вслух. Молча показал ему кулак. Рыжий сразу все понял, своей клоунской мимикой изобразил, что ничего не видел, не слышал и вообще его тут нет, и уткнулся в свой комп. А я пошел на кухню за кофе. Там сидел

Стасик Горбатко и что быстро-быстро царапал шариковой ручкой на листе бумаги. Не оборачиваясь, пробурчал:

— Молча взял, молча вышел, мне вопросы не задавать, я в процессе.

В дверь просунулась голова Ромы Синицына, с набитым ртом и что-то прожевывающая, видать, за добавкой пришла. Как выяснилось, говорящая. Узрела меня, просветила:

— Когда ребята, с которыми Стас общался, узнали, что он композитор, то прислали ему стихи и попросили музыку к ним написать. Стихи героические, об их земляке. Стас прочитал и сразу зажегся. Прибежал на кухню, мне спокойно поесть не дал, сказал, что ему необходим вакуум — когда вокруг никого и ничего.

— Но кофе-то можно налить? — спросил я.

— Можно, — не отрываясь от своего творческого занятия, напряженно выдохнул Стас.

— И молча здесь посидеть?

Горбатко оторвался от листа:

— Вень, сиди, где хочешь, только заткнись. Синица тоже молчуном притворялся. Но его даже на пять минут не хватило. Пришлось попросить. Так что пей свой кофий и не испытывай судьбу. Лады? Считай, тебя здесь нет.

Рома под наш диалог быстренько сотворил себе бутерброд с колбасой и исчез. Я заварил кофе. У Капустиных, на мое счастье, оказалась настоящая «арабика». Сделал по чашке себе и Стасу. Тот, не глядя, благодарственно махнул рукой. Сев напротив нашего композитора, я тоже погрузился в творческий процесс — чтение. Тех самых листов, что передала Илонка.

Рассказ Марии Рольберг, предваряемый небольшим письмом от нее.

«Привет из Волгограда. Меня зовут Маша Рольберг, учусь в девятом. Когда вчера узнала о вашем клубе, то за ночь все написала. Потому что это уже было в моей голове.

Успеха вам. Буду рада в чем-то помочь».

«...У меня отец не родной. Но никогда не называла его отчимом. Потому что роднее его, мамы и сестренки никого

нет. Он был прапорщиком в 22-й отдельной бригаде оперативного назначения в городе Калач-на-Дону. Долго не могла по собственной тупости запомнить, где и кем он работает, и это его огорчало. А потом выяснилось, что правильно — не "работает", а служит, и что командировка никогда не бывает последней, а только — крайней. И много чего еще специфического. Поэтому однажды напряглась и выучила. Он служил в Калаче, это недалеко от Волгограда, минут сорок езды на машине в сторону Цимлянского моря. Несколько лет назад папа ушел со службы по состоянию здоровья. В день ухода он надел парадную форму, и я впервые увидела, сколько у него медалей и орденов: три ордена и шесть медалей. Его друзья по-прежнему часто бывают у нас. Когда садятся за стол, то первый тост всегда поднимают за тех, кто не вернулся из командировок. Командировки эти — война против террористов и бандитов на Кавказе. Однажды они вспоминали женщину, медицинского работника из их бригады. Я тогда узнала, что она стала первой женщиной, которая была удостоена звания Героя России за подвиг, совершенный во время контртеррористической операции в Дагестане. Это было давно, тринадцать лет назад. Но они говорили о ней, будто только вчера расстались.

Прошлым летом мы с сестренкой летали на месяц в Израиль к маминной сестре Елизавете, которая там живет с семьей. Познакомилась со своими ровесниками, подтянула английский, хотя и по-русски почти все говорят. Местные ребята знают о терроризме столько, сколько нам не мешало бы знать, и, главное, всеми силами, осознанно противостоят ему. Потому что терроризм - страшное зло международного масштаба. У этого зла всего одна извилина, направленная на причинение как можно больше горя и боли мирным гражданам. Терроризм не имеет сострадания. Я видела автобус, который взорвали террористы, когда в нем было полно народу, в том числе женщины с детьми. Жуткое зрелище. Тогда впервые пришла совершенно дикая мысль: был бы у меня автомат, без колебаний

расстреляла бы нелюдей, которые это сделали. И мир хоть на капельку, но стал бы чище и безопаснее.

Когда вернулись домой, то совершенно по-другому стала воспринимать и прошлую службу папы, и рассказы его военных друзей. Однажды попросила дядю Лешу, он служил с папой, рассказать мне о той героической женщине, медицинском работнике из их бригады. Знаете, что еще заметила, военные люди, которые много старше нас, никогда не разговаривают с нами, как с детьми, а всегда только повзрослому, будто мы равные им. Это очень здорово, потому что не напрягает. Ту женщину зовут Ирина Янина. Не хочу говорить о ней в прошедшем времени, потому что в нашей памяти по отношению к таким людям не должно этого быть. Для меня она все равно живая, хотя видела лишь ее фотографию. Она имела звание сержанта медицинской службы и погибла в тридцать три года. Всего на семь лет младше, чем моя мама сейчас. Я не знаю, почему она выбрала нелегкую, сопряженную со смертельной опасностью службу. Все-таки это больше удел мужчин. Хотя медицина на поле боя всегда имела женское лицо. В исторической литературе приведено много примеров. Но, по большому счету, какое значение сейчас имеют рассуждения, почему Ирина Янина выбрала военную судьбу? Никакого. Потому что имеет значение лишь то, что она совершила во время своего последнего боя. То была не первая ее командировка на Кавказ. До этого были еще. Человек ведь не может так сразу измениться: вот он, как все вокруг, от начала и до конца выполняет служебное задание, исполняет свой воинский и человеческий долг, а вдруг стал героическим. Значит, она всегда была такой, настоящей. А подвиг помог нам узнать ее лучше.

31 марта 1999 года эвакуационная группа бригады работала под огнем боевиков в окрестностях села Карамахи. Медсестра Ирина Янина оказывала помощь раненым бойцам. Они все в тот момент рисковали своими жизнями. Бой был тяжелый, раненых много. Работа на войне не бывает

легкой и предсказуемой. Пуля — дура, осколок гранаты или мины еще дурнее. Поэтому никто и никогда ни о чем не зарекается. А, проявляя профессиональное мастерство, старается выполнить задачу, выжить и прикрыть товарища. За Яниной, как и за другими членами эвакогруппы, был закреплен участок. Он и стал ее полем ответственности. Бандиты, не жалея патронов,

открывали стрельбу по всему, что двигалось. Янина, наверное, постоянно оказывалась в их прицелах. Ведь не раненые ползли к ней, а она к ним, и, оказав на месте самую первую помощь, оттаскивала в укрытие. Когда про медсестру говорят, что лично спасла столько-то человек, это надо понимать буквально. Ирина Юрьевна спасала бойцов лично; под прикрытием бронетранспортера организовывала их погрузку и отправку в полевой госпиталь медсанчасти; и постоянно отстреливалась из автомата, прикрывая эту погрузку. Дядя Леша точно не знал, скольким бойцам она не позволила погибнуть в тот день. Перевезла в тыл не меньше тридцати. А от смерти, когда жизнь тяжело раненных солдат висела на волоске, спасла не меньше десятка. И все эти люди, благодаря сержанту Яниной, получили второе рождение.

Но вот по бронетранспортеру за номером 157 в очередном его рейде ударили сразу несколько гранат. Одна пробила бак с горючим. БТР охватило пламя. Отважная женщина Ирина Янина даже в этой смертельной ситуации оставалась на своем посту. Бандиты сосредоточили огонь по ставшей беспомощной машине, и другие бойцы не успели прийти на

помощь своей медсестре. Через несколько минут в БТРе начал взрываться боекомплект. Спасать уже было некого.

Я ведь права, что, вникая в такие рассказы, многие спрашивают себя: а как бы я повел себя на месте героя? Да? Я тоже не исключение. Да и вы, надеюсь, тоже. О себе знаю, что на подвиг Яниной никогда бы не отважилась. Я не трусиха. За себя, родных, друзей постоять смогу. Но такие люди, как Ирина Юрьевна Янина, все равно выше моего понимания, они на самом деле великие в своем человеческом предназначении. Однажды смотрели с папой какую-то военную программу по телевизору, и ведущий сказал о героях, что это им выпала такая судьба. Папа сильно возмутился. Сказал, что этих пустобрехов надо гнать с телеэкрана в три шеи, потому что они бездушные куклы и ничего не понимают. Объяснил мне, что судьба судьбою, но в жизни всегда есть шанс проявить себя со знаком "плюс" или со знаком "минус". И в этом проявлении заключен осознанный выбор каждого. Я с ним полностью согласна. Поэтому подвиг Ирины Юрьевны Яниной для меня, в том числе, повод задуматься. Не над тем вопросом, который прозвучал ранее — смогла бы или не смогла? — о жизни, о шкале человеческих ценностей, ответственности, о будущем не только личном, но и всей моей страны. Какими мы будем людьми, такое и будет у нас будущее. Я, например, хочу много детей. И никакому террористу не позволю отнять их у меня. Подрастут, расскажу им о людях, которые отдали свои жизни ради нашего счастья и спокойствия. И деда — папу своего — попрошу, чтобы рассказал.

Уже утро. Пора сворачивать письмо. Через десять минут будильник прозвенит на общесемейный подъем. С этим делом у нас строго. А пока вновь смотрю на фотографию Ирины Яниной, которую дядя Леша принес, и вновь думаю о том, что судьба судьбою, а подвиг — подвигом. У Ирины Юрьевны остался 12-летний горячо любимый сынишка, раньше она вообще пережила страшную для любой матери трагедию —

от белокровия умерла маленькая дочка. Теперь боялась по любой случайности потерять сына, зная, что только она его плечо и опора. Но какая же сила самопожертвования у этой женщины! Вновь ловлю себя на мысли, что говорю о ней, как о живой. Хотя для меня так и есть. И, надеюсь, останется еще очень долго».

Я закончил читать, допил остывший кофе, и перед тем как покинуть кухню, положил листы перед композитором, который теперь с взнеженным видом сидел уставившись в стенку, отбивая по краю стола ритм пальцами правой руки, а левой вычерчивая какие-то знаки в воздушном пространстве.

— Почитай на досуге.

Стас прервал свои манипуляции:

— Что это?

— Прочитаешь, поймешь.

— Личное творчество?

— Народное.

— Вот прям сейчас брошу все и начну, — перешел на повышенный тон Стасик.

— Это тебе решать, — обронил я и пошел в гостиную.

Минут через пятнадцать дверь на кухню, ставшую его личным кабинетом, приоткрылась, и я услышал:

— Вень, заскочи!

Не успел я зайти, как Стас начал ругаться. Он ругался как маленький мужичок мальчиковой наружности, сгорбив спину и сжав пальцы в кулаки. Смысл его слов был прост и понятен. Стасик говорил о жизни, которую покидают лучшие ребята, мужчины и женщины; что мы у них в неоплатном долгу; что если предадим то, ради чего они ушли, то предадим свою страну, себя и еще не родившихся членов общества из не столь далекого будущего; что память о героях — как лакмусовая бумажка, как тест на человеческое начало в каждом из нас... И скажу, что я с ним был полностью солидарен.

ОН БЫЛ ИЗ МОРПЕХОВ

Промчался второй, а за ним и третий день нашей вахты по сбору материалов, которые приходили со всех концов России. Не покидало устойчивое ощущение, что только-только проснулся, а уже снова ночь, и надо хоть немного отдохнуть, освободить голову от вала информации, а сердце от эмоций, чтобы утром быть в рабочей форме. Рома Синицын восстанавливался за игрой на скрипке, которую всегда и везде возит с собой и, дав слово своему консерваторскому преподавателю, обязан был в Питере хотя бы пару часов в сутки на ней упражняться. Но сейчас он не «упражнялся», а истинно играл, и музыка эта трогала за душу. Илонка сказала, что Рома как-то сразу повзрослел. Да я и сам это заметил. Думаю, что мы все повзрослели.

За дневным кофе Роза Валеева спросила:

— Знаешь, кто такие морпехи?

— Морские пехотинцы, — уже ничему не удивляясь, ответил я, потому что в последнее время мы другу столько разных вопросов поназадавали, что впору было энциклопедию выпускать.

— Вот и я теперь знаю, — добавила Роза, — а раньше не знала. Не знала, что у военных даже есть разного цвета береты — голубые, краповые, черные... И что это очень почетно, когда тебе в торжественной обстановке вручают такой берет, тем самым как бы принимая в свой профессиональный военный круг... — Вень, — после короткой паузы она вновь взглянула на меня чуть раскосыми восточными глазами, — я вот не понимаю, кто определяет, за какой подвиг Звезду Героя давать, а за какой, например, орден Мужества?

— Командование, Розочка, кто ж еще, — откликнулся сидящий рядом рассудительный Мишанька Волков. — Представление к награде делает непосредственное начальство бойца, утверждает более высокое.

— А существуют точные критерии, когда вручается та или иная боевая награда? — Роза, как истинная отличница, любой вопрос доводила до логического завершения.

Мишка, ненадолго задумавшись, честно ответил:

— Розалинда Батьковна, чего не знаю, того не знаю. Но, уверен, что абсолютно точных критериев нет. И быть не может. Сама понимаешь, что человеческий фактор никто не отменял, он присутствует всегда и во всем, поэтому и внутренний посыл на подвиг — состояние сугубо индивидуальное, его не просчитать на калькуляторе. Согласна? Подвиг — он как истина в человеческом обличье: кто ты есть на самом деле, без ненужных слов и объяснений, но при этом всегда не в личном, а общечеловеческом значении. Какой наградой его оценят — разве в этом суть, Роза? Я вчера письмо получил. Совсем коротенькое. Женя Слепов его написал. Рассказал, что знает сержанта МВД из Московской области, который, спасая раненых товарищей, бросился на стреляющий автомат. Бандит простреливал из небольшого квадратного оконца, что внизу дверей делают, весь коридор. Сержант до этой бронированной двери каким-то чудом сумел добраться и, сорвав с себя бронежилет, закрыл им амбразуру. Ему после наложили на руки 38 швов, один палец пришлось ампутировать. Пока он лежал в больнице, у него в палате чуть ли не половина их городка перебивала. Благодарить приходили. Слепов не уточнил, а я почему-то не спросил, какую награду получил сержант за этот подвиг. Награда, на мой взгляд, тут одна — спасенные жизни других бойцов и людская искренняя благодарность. За этого сержанта еще долго будут молиться в Храмах и за его здоровье свечки ставить — одно из проявлений памяти, которая является как бы обратной стороной подвига. Такие мысли имею...

Лишний раз убедился, что Миша говорит хоть редко, но метко. Валеева, похоже, была со мною молчаливо солидарна. Никак не прокомментировав Мишкин монолог, она пододвинула к нам свой планшет:

— Я вчера с замечательным человеком из Владивостока познакомилась. Учителем истории. Почитайте, что от него получила.

Письмо Павла Семеновича Бойко:

«Здравствуйте, уважаемые ребята!

Решил отослать вам небольшую статью, которую написал для нашей школьной стенгазеты осенью 2008 года, когда наш приморский город проводил в последний путь земляка, человека героической судьбы, подполковника, орденоносца Романа Владимировича Клиза, заместителя начальника УФСБ по Приморскому краю. С ним, к сожалению, знаком не был, поэтому писал статью, основываясь на фактах из прессы.

Роман Владимирович погиб во время очередной командировки в "горячую точку" страны, защищая целостность Родины в борьбе против сепаратистов, бандитов и террористов. Этот настоящий офицер и истинный патриот достоин того, чтобы память о нем осталась жить на века. Он погиб в 39 лет. Как говорится, ему бы еще жить и жить!

В классах, которые выпускал как классный руководитель, были мальчики, поступившие затем в военные училища. Знаю, что некоторые из них выбрали то же самое, что и Роман Владимирович Клиз, — Дальневосточное высшее

общевоинское командное училище, но не слышал, чтобы кто-то, как он, окончил на факультете морской пехоты. Ведь юноша из города Дальнегорска Приморского края, появившийся на свет в Международный женский день, 8 марта 1970 года, решил стать морским пехотинцем, представителем легендарного рода войск, чьим отличием были не только черные береты, а прежде всего бесстрашие и множество воинских умений.

Быстро пролетело время учебы. И вот уже командир роты полка морской пехоты Тихоокеанского военного флота Роман Клиз в составе десантно-штурмового батальона участвует в первой для тихоокеанских морпехов командировке в Чечню, чтобы защитить целостность России от посягательств бандитов и террористов. Куда бы ни направлялись черные береты, командование знало, что поставленная задача будет выполнена. Причем самые сложные и кровопролитные бои подчиненные капитана Клиза проходили с минимальными потерями или же вообще без них. Другими словами, он лично сберег многим матерям их сыновей.

Отбить 700-метровую высоту Гайтен-Корт у бандитов, которые превратили ее в неприступный бастион, казалось делом не одного дня, а то и недели. Любая фронтальная атака стоила бы жизни многим нашим бойцам. Гайтен-Корт не зря считалась точкой стратегического значения. Боевики легко простреливали оттуда всю окрестность и были уверены, что никто не сможет их выбить. Как выяснилось, они больше месяца работали над ее укреплением, завозили оружие и боеприпасы. Но морские пехотинцы рассудили по-своему. В ночь с 20 на 21 марта подразделения Романа Клиза и Алексея Зиганорова скрытно форсировали реку Аргун. Шли с полным боезапасом, прекрасно понимая, что предстояло решение как минимум двух составляющих: мало было захватить высоту, важно было закрепиться на ней. И вот перед ними холм-крепость, который им предстояло взять. Впереди незаметно продвигались спецназовцы, в чью задачу входило бесшумно ликвидировать часовых и дозорных боевиков. Схема рейда была досконально продумана и расписана командирами рот. На их раннее обнаружение мог повлиять лишь какой-нибудь непредвиденный случай. Тогда морским пехотинцам пришлось бы несладко, если не сказать — смертельно опасно. Но все прошло, как и было задумано. Протерев глаза от сна, боевики увидели морских пехотинцев, когда те уже начали операцию по огневой зачистке укрепрайона. Вскоре над, казалось бы, неприступной высотой взвился Андреевский флаг.

В этом месте прерву статью. На уроках, посвященных 9 мая, Дню защитника Отечества, Дню военно-морского флота России всегда подчеркиваю, что подвиг командира заключается не только в том, что

он сумел решить соон сумел решить со своими подчиненными труднейшую задачу, но в большей мере в том, как он ее решил, какими силами и потерями. Сколько своих бойцов сумел уберечь от неминуемой смерти? Роман Владимирович Клиз как раз из командиров, в которых воплотились лучшие черты многих поколений российского офицерского сословия. Неслучайно употребил здесь это во многом забытое слово. Да-да, "офицерское сословие", в котором человек ценится не по родовому или социальному признаку, а исключительно по своим человеческим и профессиональным качествам.

Утром уже батальон морских пехотинцев закрепился на верхушке Гайтен-Корта в той самой "крепости" бандитов. Не считаясь с потерями, боевики раз за разом пытались штурмом вернуть утраченные позиции, но тихоокеанские морпехи каждую из них пресекали на корню.

За проведение операции и личную самоотверженность командование представило капитана Клиза к званию Героя России. Однако, как после напишут летописцы боевых действий, на тот момент "другая награда нашла своего героя". Роман Владимирович Клиз был удостоен ордена Мужества. Не думаю, что он переживал по этому поводу. Еще и еще раз хочу подчеркнуть: истинные сыны и дочери России совершают подвиги, идут на самопожертвование не ради наград и почестей, а ради своей Родины. И свои действия они не описывают. Как правило, говорят о решении "штатной ситуации" и стараются побыстрее перевести разговор на другую тему. Володя Славиков, выпускник нашей школы, участник контр-

террористической операции на Кавказе, награжденный двумя медалями "За отвагу", еще одно тому подтверждение. Помните, как он стеснялся и не хотел рассказывать о себе на школьном вече-ре, посвященном 23 февраля, и с какой гордостью и теплотой говорил о своих боевых товарищах.

В конце этого небольшого рассказа о Роме Владимировиче Клизе приведу выдержку из истории УФСБ по Приморскому краю. В ней сказано, что "после окончания первой чеченской контртеррористической кампании подполковник Клиз продолжил свою службу в созданном в тот период времени региональном отделе специального назначения Антитеррористического центра УФСБ по Приморскому краю. Продолжая служить Родине, Роман Клиз еще не раз выполнял боевые задачи в "горячих точках". Он передавал свой боевой опыт, воспитывал, тренировал и обучал офицеров защищать страну и побеждать врага. Он готовил настоящих профессионалов своего дела. Сейчас от профессионализма этих мужчин зависит спокойствие, безопасность и жизнь Приморского края и граждан России. И, опять же, среди его подчиненных не было потерь. За мужество и героизм, умелое руководство подчиненными при выполнении боевых задач он неоднократно награждался государственными наградами: является кавалером двух орденов Мужества, награжден орденом "За заслуги перед Отечеством" IV степени. На первом месте у него всегда стояла тяжелая, но любимая работа. Он говорил: "Работа спецназа точна, как скальпель хирурга и не прощает ошибок. Каждый из нас должен быть готов ценой своей жизни обеспечить выполнение боевой задачи, прикрыть своих товарищей, сохранить жизнь заложников". И в своем последнем бою 17 октября 2008 года, во время проведения специальной операции, Клиз Роман Владимирович не прятался за спинами своих подчиненных. Ценой собственной жизни он обеспечил выполнение боевой задачи и прикрыл своих товарищей..."».

Через пару-тройку минут, после того, как мы познакомились с письмом Павла Семеновича Бойко, произошел

эпизод, который, конечно, можно было бы назвать простым совпадением. Но я в последнее время в эту кажущуюся и якобы ничего не значащую «простоту» как-то не очень верю.

— Народ, слушай сюда! — раздался из «личного угла» глас Женьки Яковлева, нашего компьютерного гения. — Первое письмо непосредственно от участников контртеррористической операций. Из Владивостока. Фотографии хоккейного турнира памяти кавалера двух орденов Мужества подполковника-чекиста Клиза Романа Владимировича. И текст о нем. По всему чувствуется, геройский был мужик!

Я увидел, как застыла и напряглась Валеева.

— Еще раз скажи, — попросила она.

— Валеева, у тебя со слухом плохо? — не замедлил схватить Женька. Все-таки в нем такта было не больше, чем в его обожаемых железках. Ничего, со временем обучим. Не захочет, так заставим.

— Тебя ж попросили повторить! Какого черта выеживаешься! — неожиданно рывкнул Миша Волков.

Женьку будто пружиной выбросило с его «наседа» в обеденную залу.

— Вы чего орете? Совсем в сети перегрузились, крыша поехала? — с места в карьер начал он.

— Остынь, Жень, — сказал я. — Сам виноват. Как с девушкой разговаривал?

— Да если каждая девушка... — вновь зашелся Як, но договорить ему не дала сама Роза, чем удивила нас безмерно: всегда такая тихая, а тут на тебе.

— Цыц, пернатый, — скомандовала она.

У Женьки от такого уничижительного обращения отвисла челюсть. Пока он собирался с разбегающимися, как тараканы, мыслями, «добивание» завершил Мишка. Он протянул ему листы с письмом Бойко:

— Вот, о том же человеке, подполковнике Романе Клизе. И тоже из Владика.

— Чего-то не догоняю, — подозрительно сощурился Як. — Я ведь «флажок» поставил, что этим письмом занимаюсь.

— А кто сказал, что это твое письмо? — спросил Миша.

— Никто.

— Молодец. Начинаешь соображать. Теперь думай дальше. Можно вслух.

Пропустив Волковский сарказм мимо ушей, взрывной Яковлев на удивление спокойным и раздумчивым тоном произнес:

— Мужики, — при этом он почему-то смотрел на Валееву. — А ведь получается, что люди, не сговариваясь, написали об одном и том же человеке.

— Так, уже теплее, — прокомментировал Мишка.

— Волчок, кончай меня лечить, ну, понял я, понял! Давай лучше о деле. Я так ситуацию мыслю: об одних и тех же героях можем получать не одно и даже не два письма. Информацию суммируем. Я программку пропишу, сама будет в нужные папки складывать... А Клиз, видать, был незаурядным человеком... Валеева, ты чего молчишь, я ведь к тебе обращаюсь! Не слыхала, что на обиженных воду возят?

— А на таких, как ты, ее выливают, — улыбаясь, добавил Миша Волков.

Мир в нашем маленьком коллективе был восстановлен.

ЕСЛИ НЕ МЫ, ТО КТО?

Вечером пошли продышаться на набережную Невы. Погода не мешала: было сухо и по-весеннему тепло. Лед на Неве уже неделю как сошел, зима оказалась на редкость теплой, чуть ли не самой-самой за последние двести лет. Поэтому оставался лишь небольшой припой у гранитных парапетов, и по нему важно разгуливали вороны, демонстрируя галдящим чайкам свою независимость. Рома захватил с собой скрипку. Но играть не торопился. Сказал, что пока не в настроении. Вася Рыжий, решив нас немного встряхнуть, начал читать вслух

отрывки из «Медного всадника» Пушкина, которые выучил для поступления в училище. Это он так говорит. Хотя я до конца и не понял, зачем будущему дипломированному акробату, который за весь номер ни разу рта не откроет, читать на приемных экзаменах стихи. Если только ради общего развития.

— Вась, остановись, — попросила Илонка. Достала из тонкой папки несколько листов и протянула ему. — Почитай вслух вот это, после опять к Пушкину вернемся.

Васька спорить не стал. Оглядел всех внимательным оком, поправил несуществующие очки и голосом чтеца-эстрадника начал:

«Привет всем! В первую очередь Виталию Капустину, что затеял полезное дело, и Вениамину Соколову, который о нем пишет».

— Конечно, — отвлекся наш клоун. — Как что, другим «спасибо», а Вася читай.

— Можешь без ёрничества, как нормальный человек? — строго спросила Роза Валеева. — Иногда оно просто не к месту.

— Без ёрничества, так без ерничества, — легко согласился Васька, но тут же добавил: — какого артиста лучшие друзья гнобят, и не жалко?

Жалеть Васю вслух было вредно для здоровья — знаем, проходили. Поэтому все молча и одновременно одарили его очень похожими взглядами.

— А это уже заговор, — пробубнил Рыжий себе под нос, но чтение продолжил без своих клоунских штучек.

«Меня зовут Артем Перов. Живу в городе Мытищи, рядом с Москвой, учусь в электро-механическом колледже. Первые два "Дневника" прочитал. Вчера увидел ваш сброс в Интернет и решил написать. Тем более — обращаюсь к Виталию Капустину и его сестре — мы ведь знакомы. Прошлым летом я тоже в Анапе был, в параллельном отряде, в котором поисковиков собрали, и прекрасно помню, как они со своим отцом приходили о подвиге рассказывать. Еще Яковлева помню — он тогда в электронные игрушки нас по полной выставил, до сих пор не понимаю, как ему удавалось так играть.

Я тоже «военной памятью» занимаюсь: есть команда, в которой и взрослые, и школьники, и студенты, летом ходим в экспедиции, ищем воинов, погибших в Великую Отечественную войну. Но сейчас я не о том. Буду говорить о борьбе с терроризмом. Впервые столкнулся с ним, точнее, с его последствиями, когда прогремел взрыв в Москве у входа в метро "Рижская". В тот день к двоюродному брату приехал, а окна их квартиры выходят прямо на "Рижскую". Услышали крики, выглянули, и поняли, что беда. Женька схватил бинты и вату, я бутылку воды, чтобы раны промыть. Когда прибежали, милиция еще оцепление не выставила, бросились людям помогать. Я столько крови никогда не видел. Через несколько минут приехали первые "скорые". Помогли дойти до них раненым. И сейчас всё перед глазами, как наяву. Крики слышу, стоны, ругань. Тогда осознал, что произошло, понял, что своими руками тех гадов, что это устроили, удавил бы. Раньше тоже знал, что терроризм — страшная штука, но когда своими глазами увидел, уже другая оценка во мне появилась. Это самое настоящее подонство. Но как против него бороться, как предотвратить? За каждым не уследишь, кто чего в урну бросил или где какой пакет оставил. Но все равно — надо! Понимаете, ребята, надо! Они же запугать хотят. А надо не пугаться, а по сторонам смотреть. Если кто-то из нас, даже в одном случае из ста, заметит что-то подозрительное и тревогу поднимет, все равно людей спасем. В предыдущем "Дневнике" вы рассказали о Муссе Сусаркиеве, студенте из Ингушетии. Он же увидел, сообразил, предупредил и остался, чтобы людей на опасное место не пустить. Когда рвануло, его и зацепило. Ничего не могу сказать, настоящий поступок парень совершил.

После ваших "Дневников" я к "спецам" по-другому стал относиться. Жаль, что нельзя о них чаще писать, говорить и по телевизору показывать. Работа такая, что шумихи и суеты не терпит. Вот и открываются их имена после того, как... Вечная память всем офицерам и бойцам, выполнившим долг ценою своей жизни. Мне через два года в армию. Если по здоровью

пропустят, буду проситься в спецназ. Сначала, конечно, попотеть придется, но если другие смогли, то и я смогу. Уже решил, что в институт после поступлю, когда вернусь. Настоящим де-

лом надо заняться, чтобы себя хоть немного уважать. Мама когда узнала, что в армию собираюсь, начала разные статьи-страшилки подсовывать: негатива сейчас об армии немало

пишут, будто ничего другого в жизни нет. Я ей говорю, что из нашего двора все ребята, кто на срочную уходил, вернулись живы и здоровы. Чего бояться, если сегодня на гражданке иногда, как на минном поле: пьяные уроды сбивают людей на остановках общественного транспорта; наркоманы всех возрастов, чтобы на дозу денег наворовать или награть, готовы любого покалечить, но выбирают, сволочи, не тех, кто их прибьет, а самых беззащитных — малолеток и стариков. Когда тетя Вера, Женькина мать, ей позвонила и рассказала, что у "Рижской" произошло, она сразу закричала, что пусть я дома сижу и никуда не выхожу, а они, как отец с работы вернется, за мною подъедут. Я эти разговоры в корне пресек, не маленький. Но понять ее могу. Вот и говорю, что много разных гадов развелось, которые хотят панику сеять. Каждый на своем уровне. Но ничего у них не выйдет.

Недавно впервые задумался, что слово в поединке с терроризмом иногда получается сильнее выстрела. Имею в виду тех офицеров, что вступают в переговоры с подонками, чтобы выиграть время и освободить заложников. Перед ними просто преклоняюсь. Это какую выдержку надо иметь, чтобы спокойно уговаривать, настаивать на своем, мгновенно предугадывать следующую ситуацию, когда хочется глотку бандиту перегрызть. Еще больше преклоняюсь перед теми, кто добровольно меняет себя на заложников. Вы пишете, что у них профессия такая, подразумевающая самопожертвование. Мне кажется, что дело не в профессии, а в самом человеке. Мой отец тоже, можно сказать, военный, он — пожарный. Когда с тушения приезжает, то в отряде себя в порядок приведет, эмоции в разговорах с мужиками, опять же из отряда, выпустит — и только тогда домой отправляется. Однажды приехал очень поздно, мама и сестренка уже спать легли. Я на кухне сидел. За чаем он и рассказал о случае, что в тот день произошел.

Когда "спецы" работают против террористов или бандитов в населенных местах, то пожарные всегда рядом: от взрыва может огонь заняться, или еще какая их профессиональная

помощь потребуется. А тогда их вызвали к пятиэтажке, где в квартире на последнем этаже вооруженный отморозок, которого милиция преследовала, взял в заложники женщину с двумя маленькими детьми, сначала отстреливался, а потом облил заложников, квартиру и себя из канистры с бензином — где нашел, не знаю — и, требуя выпустить своих дружков из тюрьмы и дать им всем самолет, сказал, что через тридцать минут все здесь взорвет, а если что почувствует не то, взорвет сразу. Милицейские вызвали "спецов" и пожарных. С первыми прибыл, как рассказывал отец, невысокого роста молодой парень, лет двадцати пяти, не больше, в обыкновенном гражданском костюме, при галстукке, ну, без штурмовой экипировки. Часа через три переговоров бандит разрешил ему одному подняться в квартиру, чтобы бутылку водки тот ему передал и мобильный телефон. Парень взял все и пошел. Отец во время операции постоянно был на "командном пункте", поэтому знал, что телефон, который "спец" понес, был включен на громкую связь, чтобы внизу услышали, что там происходит.

Во время тушения пожарные, по мере возможности, стараются поставить под окнами надувную пневмоподушку, чтобы уловить тех, кто через окна будет квартиру покидать. Сейчас им удалось незаметно сделать то же самое, бандит наверняка боялся снайперов, поэтому к окнам близко ни разу не подошел. Через несколько секунд после того, как парень вошел в квартиру, внизу услышали его слова "... спокойно, спокойно, вот телефон, смотри, кладу его сюда...". А еще через мгновение из окна комнаты, выбив стекла и раму, вылетели, сцепившись, два тела. Упали удачно, прямо на край надувного мата. Когда задержанного увезли, отец, делая заключение по квартире сказал, что взрыв мог снести треть дома: бандит, кроме того, что ее бензином залил, незадолго до развязки открыл на кухне комфорку с газом. Хотя дверь плотно закрыл и даже мокрой тряпкой щель между полом и ее основанием проложил, все равно достаточно было искры, чтобы все там взлетело на воздух. Когда пожарные готовились к отъезду,

офицер, который руководил операцией, поблагодарил отца за «дутик» под окнами и рассказал, что на счету его товарища, который в квартиру вошел, больше двадцати захватов, и когда он увидел всё собственными глазами, то принимал решение по ситуации. Надо было выбросить бандита из окна и сделать это так, чтобы тот не успел ни выстрелить, ни пустить огонь. Повезло, что отморозок встал на одной линии между "спецом" и окном. И наш в прыжке достал его, обхватил, и на скорости они прошли собой пластиковую раму.

Я спросил:

— А "спец" знал, что вы под окнами мат растянули?

— Думаю, эти ребята всё видят и замечают, работа у них такая, — ответил отец. — Но чтобы заранее быть уверенным, что на подушку попадешь, траекторию прыжка надо знать. Он ее заранее никак рассчитать не мог... Ну, а дальше сам соображай»...

Вася закончил читать, аккуратно сложил листы в тоненькую стопку, протянул Илонке и, оглядев всех нас, произнес:

— Как понимаю, сильный пол вновь обуюл главный вопрос: кто и как поступил бы на месте того «спеца»? Прав я или нет?

— Вась, ты как всегда и во всем прав, сам знаешь, чьими устами истина глаголет, — улыбнулся Стасик Горбатко. А Виталик Капустин добавил:

— Неважно, кто о чем сейчас подумал. Тут другое понять надо: что мы на своем месте сделать можем?

— Так делаем же, — недоуменно протянул Миша Волков. — Героическую историю собираем. Вон сколько народу всколыхнули.

— Да понимаю я, понимаю, а все равно хочется чего-то реально большего и полезного, — вздохнул Виталька.

— Значит, тебе в армию, в спецназ пора, — выговорил Стас. И было непонятно, то ли подначивает, то ли серьезно.

— Давайте сначала закончим, что начали, — сказала рассудительная Валеева. — А после о большем будем думать. У меня и так голова кругом идет. Я столько проплакала, чего со мной никогда не было.

Непривычно молчаливый Сеница отщелкнул замки на футляре скрипки, достал инструмент. Я подумал, что Ромка созрел, чтобы забыть в музыке. Но оказалось совсем другое. Он вытащил из футляра несколько листов, бережно уложил обратно скрипку, закрыл крышку, проверил защелки, чтобы футляр ненароком не раскрылся:

— Я тоже одно письмо с собой взял. Из Грозного. Миша Желудько прислал. Пятиклассник, кстати. Его отец — украинец, мать — чеченка, познакомились и поженились, когда в Грозном в институте учились. Миша поздний ребенок, у него еще три брата и две сестры. Все живы остались, хотя из Грозного никуда не уезжали. Отец и мать тоже живы. Я почему это рассказываю: когда письмо распечатывал, принтер первую страницу зажевал. На ней рассказ о семье. На этих двух — вырезки об отважных поступках Мишиных земляков, которые он собрал с помощью отца и попросил, чтобы мы обязательно поместили их в архив «Истории подвига»... Почитаешь? — спросил Ромка у Рыжего, протягивая ему листы. Васька, ни слова не говоря, взял их, подошел поближе под фонарь, где светлее, подождал, пока мы сгрудились вокруг:

— Ну, что, поехали, молодежь?

— Опять за свое? — жестко спросила Роза.

Но Васька уже не слышал, он читал вслух, спокойно и ровно, как если бы диктор зачитывал сводки «Инфорбюро». Или мне показалось, что спокойно, а что ровно, так это как раз от внутреннего напряжения.

«...В нашем 5 "А" учатся чечены, ингуши, украинцы, русские, лезгин, аварец, армянин, еврей, латыш. Мы всегда вместе и помогаем друг другу. Во дворе тоже вместе. И никто никогда не говорит, что он такой, а другой такой. Мы все одинаковые, потому что живем в России. Мой папа — офицер. Он здесь работает в органах правопорядка. Хочу прислать вам рассказы о военных, которые он мне помог собрать. Они погибли, чтобы у нас здесь был мир. Эти рассказы написал не я. Их написали другие люди, которые тоже хотят, чтобы о наших героях помнили везде».

«...Офицер Управления ФСБ России по Чеченской Республике Вадим Гиоев вместе с группой боевого охранения возвращался после выполнения очередного задания к месту дислокации. Маршрут пролегал по горно-лесной местности. Внезапно группа подверглась обстрелу из автоматического оружия со стороны одной из высот. Заняв боевые позиции, сотрудники открыли ответный огонь. Чтобы лишить бандитов преимущества в высоте, бойцы боевого охранения короткими перебежками стали перемещаться на выгодные для стрельбы позиции. При этом один из сотрудников был ранен и остался лежать под огнем противника. Заметив это, бандиты активизировали обстрел, препятствуя его эвакуации. Несмотря на шквальный огонь, Вадим Гиоев бросился на помощь раненому товарищу. Двумя очередями из автомата он нейтрализовал боевика-пулеметчика, после чего под огнем других бандитов вынес раненого товарища в безопасное место. Организовав его эвакуацию, Вадим Гиоев вернулся на позицию и в одиночку продолжил бой с тремя бандитами. Постоянно меняя укрытия и ведя плотный заградительный огонь, офицер сковал действия боевиков и не позволил им прорваться в тыл основной группы. Одного из бандитов он тяжело ранил, метнув в его сторону ручную гранату, двое других были вынуждены отойти. Благодаря самоотверженным действиям Вадима Гиоева нападение боевиков было успешно отражено, обеспечена своевременная эвакуация раненого с места боя и тем самым спасена его жизнь.

В один из майских дней в непосредственной близости от здания отдела, где служил осетин Вадим Гиоев, боевики взорвали грузовой автомобиль, начиненный взрывчаткой. Находившийся в это время в служебном кабинете офицер Вадим Гиоев погиб».

«...Водитель Управления ФСБ России по Чеченской Республике Ислам Самбиев перевозил сотрудников оперативно-боевой группы на задание. При следовании по проселочной дороге вблизи села Аллерой Ножай-Юртовского района группа подверглась внезапному обстрелу из автоматического оружия и гранатометов. Машина Самбиева была повреждена и потеряла управление. Покинув автомобиль и использовав его в качестве укрытия,

Ислам первым открыл ответный огонь, прикрыв тем самым других сотрудников. Используя преимущества местности, бандиты сковали действия группы интенсивным пулеметным огнем. Осознавая смертельную опасность, Ислам Самбиев под огневым прикрытием товарищей произвел по пулеметной точке бандитов прицельный выстрел из подствольного гранатомета, после чего стремительно преодолел открытый участок и выдвинулся на фланг боевиков. Приблизившись на минимальное расстояние, он бросил в сторону пулеметной позиции гранату, после чего прицельным огнем из автомата уничтожил двух находившихся там бандитов. Сразу же после этого оперативно-боевая группа, заняв тактически выгодные позиции, успешно отразила вооруженное нападение и вернулась к месту постоянной дислокации.

Чеченец Ислам Самбиев погиб, когда автомобиль, которым он управлял, был подорван в Грозном на радиоуправляемом взрывном устройстве».

«...Абубакар Темерсултанов, уроженец города Гудермес, погиб в Ингушетии, в Магасе, защищая Управление ФСБ России по Республике Ингушетия, куда прибыл с коллегами для участия в совместном оперативном совещании. Услышав крики и выстрелы со стороны пустыря, он увидел грузовой автомобиль, мчавшийся к комплексу зданий Управления. Мгновенно оценив обстановку и угрозу возможного террористического акта, Абубакар Темерсултанов бесстрашно направил свой автомобиль к воротам и заблокировал въезд во двор. Покинув машину, он открыл огонь по приближавшемуся грузовику, который, несмотря на выстрелы, протаранил автомобиль Темерсултанова и, въехав на несколько метров на территорию Управления, взорвался. В результате взрыва Абубакар Темерсултанов получил тяжелые ранения, от которых вскоре скончался, не приходя в сознание. Но благодаря его решительным и самоотверженным действиям террористу-смертнику не удалось близко прорваться к зданию Управления».

— Почувствовали слог изложения? — Стас Горбатко прервал молчание, воцарившееся после того, как Рыжий пере-

дал Ромке Синицыну последний лист. — Профессиональный. Жесткий. Ни прибавить ни убавить, и от него, такого простого и рубленого — мороз по коже.

— Все трое — кавалеры ордена Мужества, — добавил Рома. — И что еще интересно, Миша, пятиклассник этот из Грозного, и его друзья начали писать книгу о героях. Общую тетрадь для этого завели, сначала пишут от руки, поочередно, как рукопись, и только потом в компьютер переносят. Вот такие дела. Так что мы далеко не одиноки.

— И вот это радует больше всего, — как всегда, поставил «промежуточную точку» Миша Волков.

АРХИВ «ИСТОРИИ ПОДВИГА». ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Утром меня на разговор вызвал Виталик Капустин.

— Волков сказал, что вчера вечером вы с ним прикидывали, как можно работу оптимизировать, — начал Виталик безо всяких предисловий. — И что он полностью с тобою согласен.

— Ты меня на пару минут опередил, как раз хотел о том же с тобой переговорить. Суть проста: объем информации получился неожиданно большим, а четкого представления, как с ним работать, у нас нет. Я что предлагаю: из каждого письма делаем наиболее яркую выжимку, выставляем на сайт, а уже по ссылке добавляем весь оставшийся материал, который можно будет не торопясь собирать и систематизировать.

— В каком порядке выставляем?

— Логичнее, конечно, по алфавиту, на первую букву фамилии героя.

— Согласен. И вот о чем подумал: это дело должно находиться в одних руках, иначе опять начнется непонятно что. При этих словах Виталик красноречивым взглядом дал мне понять, что он даже знает, в чьих руках именно. Что было сказать в ответ? Мол, извини, я подумаю, или — пусть кто-то другой?

— Намек ясен... Сложность тут в другом. Если письма через всех наших шли и каждый брал себе в порядке очереди, то сейчас вся информация — и просмотр, и отбор, и работа с текстом — изначально падает на одного. Поэтому еще кто-то нужен, помочь хотя бы материал отобрать.

— Илона? — не то вопросительно, не то утвердительно произнес догадливый Капустин-средний.

— Если согласится, было бы здорово.

— Но здесь ты сам. Я ей не начальник... Сейчас ребят соберем, объясним задачу. "Яковлев для начала сделает так, что все письма параллельно будут к тебе на ящик приходиться, и заодно прикинет, как наш алфавитный архив по уму оформ-ить", — продолжил развивать организационную мысль Виталий...

Долго и путано объяснял идею Илонке. Постоянно какая-то ерунда происходит, когда с ней говорю: то мысли обгоняют слова, то слова — мысли, потом и те, и другие куда-то исчезают, потом вновь возвращаются.

— Вениамин Соколов, — сказала она ласково, положив ладонь на мою руку, — я все поняла.

Васька Рыжий почему-то опять оказался напротив нас, но старательно делал вид, что просто мимо пробежал.

— Слушай, — сказал я ей шепотом, — если я тебя сейчас по-товарищески поцелую, это будет выглядеть как вызов обществу?

Илонка весело и звонко рассмеялась. Васька вздрогнул и в непонимании округлил глаза.

— Если ты меня, то да, — она тоже перешла на заговорщицкий шепот, — но если я тебя, думаю, что нет.

На этих словах она привстала и коснулась моего лба губами.

Тут Рыжий не выдержал тщательно сдерживаемого нейтралитета:

— Господа-дамы, я, конечно, понимаю всю важность вашего рабочего общения, но, Илона, кто мне обещал скайп Синеглазовой скинуть?

Ладно-ладно, как пишут в умных книгах, делу время, потехе час. Да какой там час! Мы с Илонкой тут же сели за составление плана и подбор материалов. Так что перед вами та самая первая наработка нашего «краткого алфавитного архи-ва», а впереди еще сотни таких глав. И вот еще о чем договорились с ребятами: рассказывая о героях, которые не вернулись со своего последнего задания, постараемся как можно меньше говорить о них в прошедшем времени. Они в нашей каждодневной памяти, а значит, по-прежнему среди нас.

Амелин Станислав Александрович, Герой России, родился в октябре 1975 года в Кемерово.

В январе 1996 года Станислав был принят на службу в ОМОН при УВД Кемеровской области. Буквально через несколько месяцев в составе сводного отряда милиции особого назначения Кузбасса прибыл в Чеченскую Республику для борьбы против террористов и вооруженных бандформирований. В Урус-Мартановском районе в те месяцы было неспокойно: бандитские группы находились практически в каждом населенном пункте. 9 июля 1996 года у села Гехи-Чу группа бойцов ОМОНа, в которой

состоял Амелин, попала в засаду. Их бронетранспортер подорвался на mine, завязался тяжелый бой. В этой непростой ситуации Станислав Амелин показал все свои профессиональные качества, проявив героизм и отвагу. Под шквальным огнем врага он помог эвакуировать из машины раненых. Метким выстрелом Станиславу удалось подавить огневую точку бандитов. Тут пуля настигла и его. Жить оставалось секунды. Но, понимая, что отход товарищей в безопасное место зависит только от его действий, сержант милиции Амелин, истекая кровью и задыхаясь от того, что легкие были прострелены, все же сумел несколько раз повторить по радиации: «Вызываю огонь на себя...»

До этого «момента истины» у обыкновенного кемеровского пацана была в общем-то обычная жизнь. Стас родом из шахтерского поселка, где люди всегда знали цену и слову, и поступку. Шахтеры шефствовали над школой № 34, в которой учился Амелин (сейчас она носит его имя).

Немногословный, конкретный, физически крепкий парень поступает в Кемеровский горно-технический колледж. Но с четвертого курса по собственной инициативе уходит служить срочную. Становится десантником. Успешно заканчивает «учебку» и направляется в Псковскую воздушно-десантную дивизию, в составе которой попадает в свою первую командировку в Чечню. Четыре месяца серьезнейших испытаний для 19-летнего командира отделения. Осколочное ранение в плечо. Вернулся домой с орденом Мужества и необсуждаемой внутренней потребностью продолжить служение Родине. Заочно закончил колледж, потому что никогда не бросал начатых дел, стал бойцом Кемеровского ОМОНа. А вскоре и произошел тот самый бой. Последний бой Станислава Амелина.

Воробьев Вячеслав Михайлович, герой России, родился 29 мая 1984 года в Белгороде.

Отряд специального назначения «Русь» МВД РФ. Краповые береты. Чтобы заслужить такой, надо стать достойным своих товарищей.

Воспитанник одного из белгородских ПТУ Слава Воробьев решил идти служить «срочную» в спецназ. Ожидая решения, несколько раз подавал заявление или, говоря воинским языком, рапорт. Оказалось, что такая практика — норма для проверки, насколько является осознанным

выбор будущего «спеца». Нормой был и разговор офицера с его мамой, когда тот не стал скрывать, что парню, если выдержит первые месяцы специальной подготовки и останется, затем предстоят командировки в «горячие точки». Но выбор сына, особенно, когда дело коснулось такого серьезного вопроса, как служение Родине, был для матери свят. После четырнадцати месяцев взросления на передовой, где проходила борьба с международным терроризмом в Северо-Кавказском регионе, Воробьев вернулся домой полноправным обладателем крапового берета. Через полгода стал бойцом отряда особого назначения УВД Белгородской области, охранял покой и жизнь земляков. И вот снова командировка на Кавказ. Пятая по счету.

...Прошла информация, что в Назрани боевики концентрируют силы, чтобы совершить серию терактов против мирных жителей и руководства Республики. Предстояло проверить несколько адресов. По одному из них отправилась штурмовая группа, в составе которой находился сержант Воробьев. Ему выпала задача первым проникнуть на территорию подозрительного дома, проверить, все ли там чисто. Оказалось, что Вячеслав сразу увидел боевиков, понял, что они готовы с «насиженных» точек открыть смертельный огонь по бойцам его отряда, которые уже находились на изготовке перед железными воротами. У Воробьева не оставалось времени на отход. И тогда, дав длинную очередь из автомата, он не толь-

ко обозначил террористам свое местонахождение, но и предупредил своих. Главное, что спутал бандитам все карты. И они обрушили на Воробьева чуть ли не всю свою огневую мощь. Враг и мысли не мог допустить, что кто-то безнаказанно готов действовать у него под носом. Убить, убить любой ценой. На выручку сержанту, проломив ворота, пошел БТР, но через несколько метров застыл, подбитый гранатой. Однако позиции боевиков были вычислены и теперь одна за другой подавлялись метким огнем спецназовцев. После первых ранений Вячеслав пришел в себя и смог по рации корректировать действия товарищей. Увидев, что омоновец поднял голову, что он жив и работает, боевики вновь сосредоточились на нем. Прицельно бил снайпер. После боя на бронезилете Вячеслава были обнаружены следы от этих выстрелов, большинство из которых находились в области сердца.

16 пулевых ранений! Сержант-герой не должен был выжить. Но ведь выжил! Даже после того как вдруг раздался огромной силы взрыв и обломки кирпича переставшего существовать дома похоронили под собой бандитов и засыпали израненного Воробьева, дробя ему позвоночник. Специалисты оценили мощность взрыва в 100-килограммовом тротиловом эквиваленте. Представляете, сколько бед могла бы наделать такая бомба, приведи ее террористы в действие против гражданского населения.

Но Вячеслав Воробьев и его товарищи не позволили.

Елистратов Дмитрий Викторович, старший лейтенант, командир взвода 16 отдельной Чучковской бригады специального назначения Главного разведывательного управления Генерального Штаба, родился 20 апреля в Рязани.

За две недели до нового 2000 года в Аргунском ущелье боевики самонаводящейся ракетой сумели подбить штурмовик командира штурмового авиационного полка Героя России Сергея Борисюка. Для спасения летчика командование направило отряд из девяти человек — разведгруппу тогда еще лейтенан-

та Дмитрия Елистратова. Летчик имел при себе радиомаяк, на сигнал которого и ориентировались разведчики, на вертолете МИ-8 стремительно приближаясь к ущелью. Но и бандиты бросили чуть ли не все свои силы на поиск сбитого летчика. И как только вертолет попал в зону досягаемости их выстрелов, по машине был открыт плотный огонь. Пилот, проявляя чудеса пилотажа, попытался сохранить машину в воздухе, но судьба не дала ему этого шанса. Вертолет рухнул на склон с высоты пятиэтажного дома. Внутри винтокрылой машины не осталось ни одного человека, кто не был бы травмирован или контужен. Ситуация – хуже не придумаешь. К вертолету уже бегут враги, предвкушая легкий захват. Это было первое, что увидел лейтенант, когда к нему вернулось сознание. Рядом с ним был еще один разведчик, готовый встретить бандитов. Как говорится, даже секундное промедление было бы смерти подобно. И первой же автоматной очередью Елистратов положил троих. Для нападавших такое развитие событий оказалось полной неожиданностью. Они бросились на землю и, не давая лейтенанту и бойцу даже мгновения на передышку, открыли огонь. Повезло в том, что остальные бойцы группы и экипаж постепенно пришли в себя и заняли круговую оборону. Им надо было продержаться до помощи. Она могла прийти только с воздуха, и поэтому отвлечь на себя как можно больше огня бандитов стало задачей не меньшей, чем просто выжить в схватке с многочисленным врагом. Сколько до него было метров: двадцать, тридцать? А бандиты упорно лезли в атаку, дело доходило до рукопашной. Боевики недвижимыми оставляли своих по периметру обороны и вновь откатывались на несколько десятков метров. Минут через сорок с неба пришла помощь — вертолет с группой огневой поддержки. Разведчики были эвакуированы. В этом бою Дмитрий Елистратов не потерял ни одного человека. Ни одного!

На следующий день разведгруппа лейтенанта Елистратова продолжила выполнение задания. Хотя командование

предполагало послать других, Елистратов настоял, что завершить начатое должен именно он со своими товарищами. Летчика они нашли. И пока вертолеты огневой поддержки рассеивали бандитов, специальным спасательным фалом подполковник Борисюк был поднят на борт.

Канчыыр-Оол Салим Константинович, кавалер ордена Мужества, родился 20 сентября 1973 года в селе Владимировка Тувинской АССР.

Старший лейтенант милиции, он возглавлял группу тувинского СОБРа, которая участвовала в освобождении от бандитов села Комсомольское Урус-Мартановского района. Бойцы продвигались от дома к дому. Очередной бросок — и отряд неожиданно оказался на дорожке, больше похожей на тропу, зажатую с обеих сторон какими-то хозяйственными постройками. И в ту же секунду с противоположного конца по ним ударил пулемет. Салим Канчыыр-Оол шел одним из первых. Одновременно с выстрелами он рванулся вперед. Расставив руки, бежал на смертоносный свинцовый ураган, как сделал бы то же самое любой настоящий отец-командир, прикрывая собой вверенные ему жизни. Превратившись в живой щит, Са-лим спас всех. Отец-командир, которому всего было двадцать семь лет.

Левашов Сергей Александрович, герой России, родился 16 октября в Калужской области.

В августе девяносто девятого сепаратисты открыли боевые действия в Дагестане. Вместе с жителями республики на борьбу выступили воины российской армии. Подполковник Левашов, ас вертолетного дела, на своем МИ-8 мог сделать работу так, что она была сродни ювелирной хирургической операции. Сегодня перед ним стояла задача: высадка десанта в районе горы Аликен. Когда вертолет Левашова уже шел на приземление и находился в нескольких метрах над землей, боевики из засады ударили по нему из автоматов

и крупнокалиберного пулемета. Пули били по броне кабины. Seriously поврежденным оказался фюзеляж машины. Но испугать Левашова, заставить растеряться и уж тем более отказаться от выполнения задачи было не так-то просто, если не сказать — нереально. И он отважился на прием, который был возможен лишь в суперкритической ситуации. Под непрекращающимся обстрелом прислонил «вертушку» одним колесом к горному склону и удерживал машину в таком положении, пока не закончилось десантирование. Завершив одну задачу, принялся за решение следующей. Уже с воздуха, на плохо управляемой машине начал одну за другой подавлять огневые точки бандитов, помогая десантникам занять оборону. И с риском для жизни продолжал это делать, пока не истратил весь боекомплект.

Это лишь один эпизод из жизни знаменитого военного вертолетчика, участника антитеррористических операций подполковника Сергея Александровича Левашова, на счету которого несколько сотен боевых вылетов и десятки достойнейших выходов из трудных ситуаций.

Прилуцких Алексей Михайлович, кавалер ордена Мужества, проходил службу в пограничных органах ФСБ России с августа 1989 года.

Вместе с другими бойцами-пограничниками с Чукотки капитан Алексей Прилуцких в составе мотоманевренной группы Северо-Восточного пограничного округа был направлен в командировку на Кавказ для участия в контртеррористической операции.

В один из январских дней, возвращаясь на бронетранспортере с передового охранения, Прилуцких и его бойцы попали в засаду. Хотя этого с ними не должно было случиться. Но, как зачастую бывает в жизни, вмешался случай. Да и смертельные испытания почему-то всегда выпадают на долю самых сильных. Бандиты, устроившие засаду, ожидали не БТР с пограничниками, а колонну грузовиков с продовольствием и горючим.

и горючим. Но нервы бандитов не выдержали, приняли бронетранспортер за головную машину прикрытия и, сконцентрировали удар на нем открыв огонь из гранатометов. Вслед тут же зачастил пулемет. В первую минуту неравного боя все, кто находились на броне, получили осколочные или пулевые ранения. Казалось, что исход его предрешен. Но это только казалось. Да, поврежденный БТР дымил на месте; да, от взрывов сдетонировал боезапас и серьезно был ранен в голову механик-водитель. Но командир был жив, и он руководил обороной. Хотя в это трудно, невозможно поверить. Сейчас поймете — почему. Взрывом гранаты капитану Прилуцких оторвало левую ногу, прожгло бок, перебило запястье руки. Как он не потерял сознание, сначала от нестерпимой боли, а затем от потери крови, об этом сейчас можно только гадать. Но он выстоял и теперь, как мог, руководил боем и погрузкой в бронетранспортер раненых. Будто заранее знал, что придет в сознание механик-водитель и что не просто подбитая, а искореженная огнем и металлом машина в самый нужный момент оживет и поможет им

до своих, до которых оставался всего-то километр, а может и меньше, и откуда уже бежали на выручку их товарищи. И бойцы его знали, что капитан по-прежнему с ними. БТР завелся и медленно пополз. Трое пограничников остались прикрывать его отход.

Капитан Алексей Прилуцких умер на руках старшего лейтенанта Сергея Махорина. Последними его словами были: «Торопитесь, там еще трое».

Чепраков Владимир Николаевич, Герой России, родился 5 августа 1969 года в Карачаево-Черкесской Республике.

Но вся его жизнь связана с селом Вревское Кочубеевского района Ставропольского края, где обосновалась семья Чепраковых, когда Володе было шесть лет. Здесь закончил школу, здесь работал чабаном и трактористом. Отсюда ушел в армию и сюда же вернулся после срочной службы. Поступил на заочное обучение в Ставропольскую сельхозакадемию, выучился на агронома и стал работать дома, в колхозе с привычным по тому времени названием «Заветы Ильича». Казалось бы, ну чего героического может быть в таком ничем не выдающемся молодом человеке? Откуда этому героическому взяться?

Древнеримский философ Сенека сказал: «Человек становится героем не в утробе матери, а на поле брани». Это «поле» для Чепракова началось в середине девяностых, когда в его внешне спокойной жизни произошло поворотное событие: Владимир идет служить по контракту в воздушно-десантные войска. Из командировок в «горячие точки» возвращается орденоносцем — кавалером ордена Мужества — продолжает службу в Управлении ФСБ по Ставропольскому краю.

...В ингушском поселке Долаково подходила к своему логическому завершению операция по задержанию находящегося в федеральном розыске особо опасного преступника, совершившего несколько убийств. Когда оперативники ворвались в комнату, тот прижался спиной к стене, выхватил гранату, выдернул чеку и, прикрывшись женой и тремя детьми, заорал, что взорвет их и себя, если кто сделает еще хоть шаг.

И вдруг произошло, как в фильме, только это не было игрой актеров, где может быть первый, второй, десятый дубли, а была настоящая жизнь. Владимир увидел, как покати́лась по полу граната, только что бывшая в руке бандита. До взрыва оставались секунды. И старший лейтенант Владимир Чепраков бросился грудью на смертоносный снаряд, закрывая от осколков детей, их мать, своих боевых товарищей...

Что подчас скрывается за шаблонной фразой из медзаключения: «получил ранения, несовместимые с жизнью»? В случае с чекистом Чепраковым вы теперь знаете, что именно — подвиг. Подвиг офицера, патриота, настоящего мужчины, когда-то совсем не похожего на героического человека.

ДО ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ

Оставшиеся дни пребывания в Питере в гостях у семьи Капустиных промелькнули быстро. Мы много сделали, воплощая нашу идею, обретая по стране массу новых друзей и единомышленников. Отец Виталика и Илонки устроил нам запоминающуюся экскурсию по городу, побывали в Эрмитаже и Русском музее, съездили в Петергоф. Однако пришло время возвращаться по домам, к учебе. Договорились опять все вместе собраться в начале июня в Москве, я и Ромка Сеницын выступили приглашающей стороной. Но об этом в следующий раз. А пока — традиционное завершение «Дневника»: я, специальный корреспондент московской детско-юношеской газеты «Ученик» Вениамин Соколов, в очередной раз говорю вам «до свидания». Но точку в данной публикации пока еще не ставлю. Наверное, будет правильно закончить нынешнюю часть питерского «Дневника» обращением, над которым трудились все вместе, выверяя и обсуждая каждое слово:

«Мы обращаемся ко всем школьникам России!

Мы все живем под одним небом, говорим на одном языке,

имеем одну общую историю. Но когда террористы и бандиты хотят взорвать наш мир изнутри, стараются запугать, убивают ни в чем не повинных людей, наш долг дать им отпор. Не надо их бояться. Ведь только на это они и рассчитывают. Нас, тех, кто хочет мирного процветания своей Родины, в миллионы раз больше. Так пусть они боятся, боятся того справедливого возмездия, которое рано или поздно, но все равно их настигнет.

Совсем скоро нашему поколению предстоит решать взрослые задачи. В том числе и по защите целостности российского государства, защите жизни всех людей, живущих в нем. Поэтому так важно всегда помнить о тех, кто с честью и достоинством прошел этот нелегкий путь до нас. Помнить и хранить память о воинах: солдатах и офицерах, опытных и совсем молодых, почти наших ровесниках, которые в кровопролитной борьбе против террора и бандитизма не пожалели себя. Ради нас всех. Они выполнили свой долг. Вечная им слава.

И пусть девизом нашего поколения станут известные всем слова: "Один за всех, и все — за одного!". Мы — вместе. И это главное!»

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ.....	2
С ЧЕГО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ.....	5
ПРИЯТНЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ.....	8
6-я РОТА	10
МЕДСЕСТРА ЯНИНА.....	18
ОН БЫЛ ИЗ МОРПЕХОВ.....	26
ЕСЛИ НЕ МЫ, ТО КТО?	33
АРХИВ «ИСТОРИИ ПОДВИГА». ХРАНИТЬ ВЕЧНО.....	43
ДО ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ	54